

СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

ИГРА В ПРЯТКИ
С ТЕНЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Вяземский
Игра в прятки с тенью

«Автор»

2026

Вяземский С.

Игра в прятки с тенью / С. Вяземский — «Автор», 2026

Бывший следователь Алексей Горский сбежал от мира в глухую деревню, замурованный в тишине и вине. Но прошлое не отпускает; оно находит его в виде конвертов, приходящих без обратного адреса. В них — леденящие душу подробности дел, которые он когда-то безнадежно забросил. Кто-то методично вскрывает старые раны, зная такие детали, которые не знал никто, кроме самого следователя и... преступника. Эта игра началась без его согласия: невидимый противник ведет его по темным лабиринтам памяти, бросая вызов и насмехаясь. Каждое письмо — шаг из тени, смертельная загадка без ответа. Чтобы выжить, Горскому придется выйти из укрытия и снова спуститься в ад, который он оставил позади. И понять, кто из призраков его прошлого решил сыграть с ним в прятки на краю пропасти.

© Вяземский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Белый конверт	5
Эхо из шкафа	10
Правила игры	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Вяземский

Игра в прятки с тенью

Белый конверт

Свет, пробивавшийся сквозь заросшее мохом стекло, лежал на полу продолговатым пятном – холодным, даже в полдень, и неподвижным, как все в этом доме, если не считать тихого, едва уловимого треска стареющих бревен. Алексей Горский сидел за столом, и его рука медленно, почти ритуально двигалась по странице раскрытой книги. Он не читал. Он переписывал. Это было упражнение на концентрацию, на утоление голода ума, привыкшего дробить реальность на доказательства и версии. Чернила ложились ровными, бездушными строчками, впитываясь в пожелтевшую бумагу тетради. Запах стоял в комнате плотный, устоявшийся: пыль, воск от вчерашней свечи, сладковатый дух гниющих где-то в углах яблок из подвала и вездесущий дым – он въелся в одежду, в волосы, в самые поры деревянных стен, стал частью атмосферы, как и тишина.

Тишина здесь была не отсутствием звука, а отдельной субстанцией. Она гудела в ушах низким, едва слышным тоном, прерываемым редкими, знакомыми до боли событиями: скрипом определенной половицы у печки – третьей от порога, сухим шорохом мыши за обшивкой, протяжным гулом ветра в печной трубе, который начинался всегда на закате. Горский научился различать эти звуки, как врач – тоны сердца. Они означали, что мир остается в своих границах. Что ничего не происходит.

День был серый, ноябрьский. За окном река, обычно свинцовая, казалась плоской и выцветшей, как старая фотография. Ельник на том берегу тонул в предвечерней дымке, сливаясь в сплошную черную массу. Горский отложил перо, потянулся. Суставы отозвались глухим хрустом – возраст, сырость, неподвижность. Он встал, подошел к окну, потер ладонью холодное, неровное стекло. Внизу, у подножия склона, петляла тропинка к реке, превратившаяся в грязевую колею. Сегодня была среда. День почты.

Он не ждал ничего, кроме пачки старых газет, которые читал с опозданием в неделю, и, возможно, квитанции на керосин. Тем не менее, ритуал был важен. Он создавал слабую, почти иллюзорную связь с внешним миром, напоминал, что время, хоть и вязкое, все-таки течет. Он надел тяжелый свитер, накинул на плечи прохудившуюся телогрейку и вышел на крыльцо. Воздух ударил в лицо влажным холодом, пахнущим прелыми листьями и ледяной водой. Он прошел по хрустящей под ногами мерзлой траве к калитке, оперся о столб и закурил, следя, как дым тут же прибывает к земле сырая мгла.

Почтальон Виктор появился, как всегда, ближе к четырем – усталая фигура на разбитом узике цвета грязи. Машина, поскрипывая всеми пружинами, остановилась у изгороди. Виктор вылез, хлопнул дверцей, молча протянул пачку.

– Холодно, – буркнул Горский, принимая сверток.

– Зима на носу, – отозвался Виктор равнодушно, уже разворачиваясь назад. – Завтра, говорят, снег.

Больше говорить было не о чем. Узик дернулся и поплелся дальше, к дому бабки Люды.

Горский вернулся в дом. Тепло встретило его знакомым запахом, теперь с примесью свежего холода, принесенного с одежды. Он развязал бечевку на пачке. Газеты «Районный вестник» за две недели, сложенные аккуратной стопкой. Счет за керосин. Рекламный листок магазина строительных товаров из районного центра. И... конверт.

Он лежал поверх всего, белый, резко контрастирующий с тусклой желтизной газет. Бумага была плотная, дорогая, чуть шершавая на ощупь. На лицевой стороне – его имя и адрес, выведенные четким, безличным почерком шариковой ручкой. Обратный адрес отсутствовал. Штемпель городской, но оттиск размыт, даты не разобрать.

Горский замер. Рука сама потянулась к конверту, но пальцы застыли в сантиметре от бумаги. Что-то щелкнуло внутри, какой-то давно неиспользуемый механизм. Опасность. Угроза. Иностраный объект. Он медленно, как на замедленной съемке, поднял конверт. Он был легким. Внутри явно было не больше одного-двух листов. Он понес его к столу, к свету лампы, отодвинув тетрадь и чернильницу.

Пауза. Долгая. Он смотрел на этот белый прямоугольник, лежащий на шершавом, испещренном царапинами дубе. Он не хотел его открывать. Он хотел, чтобы его не было. Первым ясным, отчетливым побуждением было встать, подойти к печи и сунуть конверт в огонь. Не глядя. Пусть сгорит. Пусть станет горсткой серого пепла, как все ненужное.

Но он не двинулся с места. Его пальцы, будто помня свою прежнюю работу, скользнули под клапан. Конверт легко поддался. Внутри – три листа бумаги, сложенные пополам. Такая же качественная бумага. Машинописный текст. Старая пишущая машинка, шрифт «Courier». Четкие, ровные строки.

Он развернул листы. И начал читать.

Первая же строчка – удар под дых.

«Дело № 347/08 об убийстве Ларисы Викторовны Семеновой, 28 лет, обнаруженной в своей квартире по адресу: г. N-ск, ул. Гагарина, д. 42, кв. 17, 14 октября 2008 года».

Кровь отхлынула от лица, оставив за собой ледяную пустоту. Горский услышал, как где-то внутри громко, навязчиво застучало сердце. Он узнал это дело. Оно было одним из тех, что он вел в последние годы службы. Одно из тех, что легло в папку с грифом «приостановлено». Одно из тех, что по ночам, сквозь сон, напоминало о себе обрывками образов: свет лампы над светлым паркетом, пятно странной формы, запах...

Текст продолжался. Он был сух, протоколен, лишен эмоций. Но детали. Детали были невыносимы.

«...на внутренней стороне входной двери, на высоте 1 метр 24 сантиметра от пола, обнаружены три параллельные царапины длиной 5, 7 и 4 сантиметра соответственно. Глубина царапин минимальна, в протоколе осмотра не зафиксированы, так как были сочтены бытовыми повреждениями. Материал – лакокрасочное покрытие белого цвета. На микрофотографии, приложенной к заключению эксперта № 567/08 (приложение «В», стр. 45 архива), видно, что в конце самой длинной царапины присутствует микроскопическое вкрапление материала, не

идентифицированного в ходе исследования. Цвет вкрапления – темно-синий, волокнистой структуры. Возможно, фрагмент ткани перчатки».

Горский закрыл глаза. Он видел эту дверь. Белую, филенчатую. Он помнил общий осмотр. Но этих царапин... он не помнил. Или не придал значения. Эксперт ничего не говорил. А если и говорил, то мельком, вскользь. А «микрофотография, приложение «В», стр. 45»... Откуда этот... этот корреспондент знает номер приложения и страницу в архиве?

Текст плыл перед глазами.

«...запах в комнате, описанный в показаниях первой обнаружившей тело соседки, А.П. Кравцовой, как «сладковатый, лекарственный». В протоколе запах описан обобщенно: «посторонний химический запах». Лабораторный анализ воздуха не проводился ввиду отсутствия технической возможности. Примечание: в квартире непосредственно над квартирой жертвы, в кв. 18, проживает П.И. Васин, 54 года, коллекционер карманных и настольных часов. По свидетельству мастеров из часовой мастерской на ул. Ленина, 10, все часы Васина хронически отстают ровно на 17 минут, что мастерские связывают с неисправностью заводного механизма конкретной модели, которой увлекается коллекционер. Васин на допрос не приглашался. В день убийства с 18:00 до 23:00 находился дома, о чем свидетельствует его жена (опрос не проводился)».

Горский отшвырнул листы от себя, как обжегшись. Они скользнули по столу, один упал на пол. Он вскочил, отодвинул стул с пронзительным скрипом. Дышал тяжело, рвано. В висках стучало. Комната, такая знакомая, вдруг показалась чужой. Зеленоватый свет из окна стал зловещим. Тени в углах сгустились, стали плотными.

Кто? КТО?

Он поднял упавший лист дрожащей рукой. Последний абзац. Там не было подписи. Там стоял вопрос. Все тот же безличный машинописный шрифт.

«Учитывая, что механический звук тикающих и бьющих часов в квартире сверху мог заглушать иные звуки, а восприятие времени у присутствующих в квартире жертвы могло быть искажено, почему в ходе расследования не был поставлен вопрос о возможности использования интервала в 17 минут для создания алиби или манипуляции с временной шкалой событий? Почему вы не спросили соседа сверху о его коллекции?»

Тишина в комнате взорвалась. Она наполнилась гулом, которого не было. Горский схватился за край стола, чтобы не упасть. Глаза бегали по тексту, выхватывая фразы. «Микрофотография... архив... часовой мастерской...» Это не просто чье-то помешательство. Это не розыгрыш. Это – расследование. Безупречное, дотошное, холодное. Расследование, проведенное спустя годы после того, как дело легло под сукно. И проведенное лучше, чем его собственное.

Желание сжечь письмо вспыхнуло с новой силой, теперь уже как животный инстинкт самосохранения. Он схватил все три листа, смял их в руке, шагнул к печи. Дрова дотлевали, излучая ровный жар. Он протянул руку к чугунной дверце...

И остановился.

Его пальцы разжались. Смятая бумага распрямилась с тихим шелестом. Он не мог. Он физически не мог этого сделать. Потому что это была улика. Потому что в этих строчках была правда – та правда, которую он когда-то упустил. И потому что чей-то чужой, безжалостный ум уже прошелся по этим фактам, уже все увидел, все сложил. И бросил ему в лицо, как вызов.

Он медленно вернулся к столу, разгладил листы ладонью. Рука дрожала. Он потянулся к тяжелой черной трубке спутникового телефона – его единственной жизненной линии, антенне, торчащей в прошлое.

Набрал номер. Долгие гудки. Каждый – как удар молотка по наковальне.

– Алло? – голос Анны был ровным, профессиональным, но в нем прозвучала легкая настороженность. Он звонил раз в два-три месяца, не чаще.

– Анна. Это я.

Пауза.

– Алексей Сергеевич? Что-то случилось? – в ее голосе мгновенно появилось напряжение. Она знала, что просто так он не позвонит.

– Получил... письмо.

– Письмо? Какое письмо?

– Белый конверт. Без обратного. Внутри... дело. Дело Семеновой. Ларисы Семеновой. 2008 год.

Молчание на другом конце провода было таким густым, что его можно было потрогать.

– Что там? – наконец спросила Анна, и ее голос стал тише, глуше.

– Детали. Которые не в деле. Которые... я не знал. Или не заметил. – Он сглотнул ком в горле. – Царапины на двери. Микрочастица. Запах. Сосед сверху с часами... которые отстают на семнадцать минут.

– Боже... – прошептала Анна. – Откуда...

– Ты... ты можешь проверить? Архив. Микрофотографии. Приложение «В», страница 45. И... часы. Мастерская на Ленина, 10.

– Подожди. Я... я завтра попробую. Это же старый архив, доступ... Алексей Сергеевич, вы в порядке?

«Нет», – хотел крикнуть он. Но сказал:

– Проверь. Позвони.

– Хорошо. Позвоню завтра. Вы... сожгите это. Пожалуйста.

– Не могу, – коротко бросил он и положил трубку.

Разговор кончился. Тишина вернулась, но теперь она была другой. Она была настороженной, заряженной, как воздух перед грозой. Он положил листы обратно в конверт, положил конверт в середину стола. Белое пятно. Язва на теле дерева.

Он не готовил ужин. Он сидел в кресле напротив стола и смотрел на конверт. Свет лампы отбрасывал от него длинную, искаженную тень. В трубе завывал ветер – низко, протяжно, как стон. Этот звук всегда успокаивал его. Теперь он казался насмешкой.

Ночь наступила быстро, проглотив серый день. Он не зажег свечи. Сидел в темноте, и только белизна конверта тускло светилась в окошке лунного света, пробившегося сквозь разрыв в облаках. В голове, против его воли, оживали картины. Квартира на Гагарина. Светлый паркет. Форма пятна... да, он помнил эту странную, растекшуюся форму. И запах. Сладкова-

тый, лекарственный. Какой-то... синтетический. Он тогда подумал о бытовой химии. Не стал углубляться. Не хватило времени, сил, внимания? И сосед. Тихий, неприметный мужчина. Коллекционер часов. Его даже в голову не пришло допросить. Почему?

Вопрос из письма жгло мозг: «Почему вы не спросили?»

Горский встал, подошел к окну. Стекло было ледяным. Снаружи – кромешная тьма, ни огонька. Тайга спала черным, бездонным сном. А здесь, в этой комнате, на старом дубовом столе, лежал кусочек другого мира – мира улик, ошибок и чьего-то неумолимого, всевидящего внимания.

Он лег спать, но сон не шел. Он лежал и слушал. Скрежет мыши за стеной. Треск бревен. Навязчивое, гулкое тиканье настенных часов в соседней комнате – механических, с маятником. Тик-так. Тик-так. Ровно, монотонно. Он вдруг представил себе часы, которые отстают. На семнадцать минут. Какой звук они издают? Сбитый, неровный? Или их тиканье тоже идеально, просто их стрелки лгут?

Ветер в трубе перешел на высокую, визгливую ноту. Казалось, он выкрикивает что-то. Слово. Одно и то же слово, которое нельзя разобрать.

Горский повернулся на бок, лицом к стене. Но перед глазами все равно стояли ровные строчки машинописного текста. И последний, язвительный вопрос, висящий в темноте, как лезвие гильотины.

Он понял, что это только начало. Что тишина кончилась.

Эхо из шкафа

Телефон зазвонил на рассвете, когда серый свет только начинал просачиваться сквозь мох на стеклах, окрашивая комнату в цвет мокрого пепла. Горский не спал. Он сидел в том же кресле, кутаясь в протертый плед, и смотрел на конверт, который за ночь стал казаться ему живым существом – холодным, бесшумным, но наблюдающим. Звонок разрезал тишину, как нож. Он вздрогнул, потом медленно потянулся к трубке.

– Да.

– Алексей Сергеевич, это я. – Голос Анны звучал приглушенно, будто она говорила из закрытого помещения. В нем не было обычной деловой четкости, только сдержанное, почти испуганное удивление. – Я проверила.

Он молчал, сжимая трубку так, что кости пальцев побелели.

– Архив. Приложение «В», страница 45. Микрофотография есть. Все так, как написано. Эти царапины... они там есть. Эксперт отметил их карандашом на полях, но в итоговое заключение они не вошли. Сочли нерелевантными. А частица... синяя волокнистая частица. Она упоминается в рабочей заметке эксперта Борисовой. Но не в официальном заключении. Это внутренняя бумага.

Горский закрыл глаза. Мир вокруг слегка качнулся.

– Часы? – выдавил он.

– Мастерская на Ленина, 10. Закрылась два года назад. Но я нашла старого мастера. Он помнит Васина. Помнит его коллекцию и эту странную особенность – отставание ровно на семнадцать минут у всех механических экземпляров одной серии. Он говорил об этом как о курьезе. – Анна сделала паузу, и в трубке послышался ее сдавленный вдох. – Алексей Сергеевич... откуда они это знают? Кто они?

– Не знаю, – честно сказал он. Его собственный голос прозвучал хрипло, чужим. – Но это не шутка. Это расследование.

– Что вам нужно? Я могу... Я могу поднять это дело, поговорить с Полозовым...

– Нет! – его окрик прозвучал резче, чем он хотел. Он видел перед глазами не Анну, а своего бывшего начальника – усталое, обрюзгшее лицо, полное раздражения при одном упоминании старых «висяков». – Ничего не делай. Ни с кем не говори. Ты слышишь? Забудь, что звонила. Забудь про архив.

– Но...

– Это приказ, – сказал он, и в его голосе неожиданно прозвучали стальные нотки того, прежнего Горского, старшего следователя по особо важным делам. – Твое любопытство может быть опасным. Для тебя. Оставь это.

Молчание. Потом тихий, не совсем согласный выдох.

– Хорошо. А вы?

– Я справлюсь, – солгал он и положил трубку.

«Справлюсь». Слово повисло в воздухе, пустое и беспомощное. Он не справлялся. Он тонул. Письмо лежало на столе, и его белизна теперь казалась агрессивной, кричащей. Оно было не просто посланием. Оно было ключом. Ключом, который кто-то вставил в замок его памяти и медленно, неумолимо повернул. Скрипнули давно заржавевшие механизмы.

Он встал, его движения стали резкими, целеустремленными. Страх, парализующий ночной страх, начал трансформироваться. В нем просыпалось что-то старое, знакомое, почти

забытое – холодный, сфокусированный адреналин. Это было похоже на зуд. Нельзя было просто сидеть и ждать следующего конверта. Нужно было действовать. Но как? Единственная зацепка – старые дела. Его дела.

Он прошел в смежную комнату, служившую спальней и кладовкой. В углу, под грубой холщовой крышкой, пылился старый сундук, обитый полосатой жестью. Он привез его с собой три года назад, забитый до отказа папками, блокнотами, памятливыми безделушками от прошлой жизни. И никогда не открывал. Это был гроб с его профессиональным трупом.

Он сдернул покрывало. Пыль взметнулась столбом, закружилась в луче света, проникшего следом за ним. Запах – затхлый, сладковатый, бумажный. Он откинул массивную крышку. Внутри, в строгом, почти педантичном порядке, лежали картонные коробки-архиваторы. На каждом – бирка с годами. Он запустил руку внутрь, пальцы сами нашли то, что искали. Коробка с надписью: «2009-2011. Приостановленные».

Он вытащил ее. Она была тяжелой. Отнес в главную комнату, поставил на стол рядом с белым конвертом. Контраст был вопиющим: стерильная белизна нового послания и потертый, пыльный картон старой памяти. Он расстегнул резинки, державшие коробку закрытой, и откинул крышку.

Запах ударил сильнее – запах официальной бумаги, чернил, времени и чего-то еще... чего-то горького, как разочарование. На самом верху лежала тонкая, в темно-синей обложке папка. На корешке было аккуратно выведено черной пастой: «Дело № 412/10. «Тихое озеро».

Он не дотрагивался до него все эти годы. Оно было запечатано в его сознании, как в капсуле, вместе с осколками его уверенности, его веры в себя. Он взял папку. Бумага была прохладной. Открыл.

Первая страница – постановление о возбуждении. Фотография места преступления. Лесная дорога, ведущая к озеру. Вода, гладкая и серая. На берегу – контур тела, обведенный мелом. Не сам труп, а лишь его призрачный силуэт. Так было принято снимать для протокола.

Он начал читать. Не просто читать – сканировать. Его глаза, отвыкшие за годы от такого типа работы, сначала скользили по строчкам медленно, но постепенно мозг включил старый, отлаженный режим. Он выискивал не факты – он искал пустоты. Пропуски. То, на что мог бы указать беспристрастный, дотошный взгляд «Тени».

Дело было, на первый взгляд, простым. Убита девушка, студентка, найдена на популярном у туристов, но безлюдном в тот день берегу Тихого озера. Основная версия – бытовуха, неудачное ограбление. Но Горский тогда почуял другое. Он вышел на человека – Виктора Лобанова, мелкого предпринимателя с криминальными связями. Косвенные улики складывались в подозрительную мозаику: свидетель видел его машину неподалеку, у Лобанова не было алиби, а главное – у него уже были проблемы с законом, связанные с насилием. Горский давил. Строил логические цепочки. Был уверен в своей правоте. Он помнил это чувство – холодную, ясную уверенность, как отточенный скальпель.

Но защита нашла щель. Один-единственный свидетель, видевший машину, под давлением адвоката частично отказался от показаний. Лаборант, проводивший экспертизу волокон

с места преступления, допустил мелкую procedural error – не ту печать поставил, не ту дату. Суд счел доказательную базу недостаточной. Лобанова отпустили.

А через месяц Лобанов, в состоянии алкогольного опьянения, устроил дебош в баре и в драке смертельно ранил случайного посетителя. Его осудили уже по этому факту. Но для Горского это не было правосудием. Это была пощечина. Он был уверен, что первый труп – тоже на совести Лобанова. И что своей уверенностью, своим давлением, он... что? Спустил курок? Нет. Он просто оказался слеп. Он видел только Лобанова. Только одну версию.

Теперь, перелистывая пожелтевшие страницы, он видел это. Узкие, слепые глаза своего расследования. Он пропустил показания лесника, который в тот день чинил мосток в двух километрах от озера и видел другую машину – старенькие «Жигули», которые ни разу не фигурировали в материалах. Он не придал значения странному, почти анекдотическому факту: в день убийства местное общество рыболовов проводило соревнования по ловле на мормышку с другой стороны озера. Шум моторок, крики. Могли ли они что-то заглушить? Он даже не поинтересовался погодой на тот час – а была небольшая морось, которая могла повлиять на следы.

И самое главное – глаза. На фотографии в папке была не только жертва. Была сестра жертвы, дававшая показания. Молодая женщина, с лицом, искаженным горем и... недоверием. Недоверием именно к нему, к Горскому. Он тогда прочитал это как боль, как шок. Теперь, глядя на снимок мысленным взглядом, очищенным годами отчаяния, он видел другое. Она что-то знала. Что-то, что не сказала. Может, что-то, связанное с личной жизнью сестры, чем та не хотела делиться с полицией. Он не нашел к ней подход. Не смог вызвать доверия. Он шел, как танк, по версии «Лобанов», сметая все остальное на своем пути.

Он откинулся на спинку стула. В горле стоял ком. Это было больнее, чем просто читать протоколы. Это было – видеть. Видеть себя со стороны, того уверенного, целеустремленного идиота, который мнит себя искателем истины, а на самом деле просто собирает пазл, подгоняя детали под уже готовую картинку в голове.

«Тень» знала это. Не обязательно про «Тихое озеро»... пока. Но тот язвительный вопрос про часы и семнадцать минут был того же порядка. Он указывал на слепое пятно. На то, что не было проверено, потому что не вписывалось в удобную схему.

Профессиональный инстинкт, тот самый зуд, оказался сильнее стыда и страха. Он потянулся к своей тетради в кожаном переплете, той самой, куда он переписывал чужие тексты. Вырвал несколько заполненных страниц – они ему были уже не нужны. Взял новое, остро отточенное карандаш.

На чистом листе он вывел: «ПИСЬМО №1. Семенова. 14.10.2008».

Под ним тезисно, короткими, рублеными фразами, стал записывать факты из письма. Не эмоции. Только факты.

1. Царапины на двери (внутр., выс. 124 см). 3 шт. 5,7,4 см.
2. Микрочастица (синяя, волокно) – в раб. заметке эксперта Борисовой.
3. Запах «сладковатый, лекарственный» – со слов соседки Кравцовой. В протоколе обобщенно.
4. Сосед сверху: Васин П.И. Коллекционер часов. Все часы отстают на 17 мин. (подтверждено, мастерская Ленина, 10).

5. Вопрос от «Т»: почему не учтен интервал 17 мин. для алиби/манипуляции временем?

Он смотрел на список. Его ум, давно не работавший в этом режиме, начал щелкать, как счеты. Часы. Временной интервал. Звук. Алиби. Что если Васин не просто тихий сосед? Что если эти семнадцать минут – не курьез, а ключ? Можно ли, зная о постоянном отставании всех часов в квартире, подстроить что-то? Создать ложное впечатление о времени? Горский не знал. Но вопрос был задан. И он висел в воздухе, требовал ответа.

Он перевел взгляд на папку «Тихого озера». Потом на свой конспект. Потом на белый конверт. Логика. Какая логика у отправителя? Он не просто сообщает факты. Он задает направление мысли. Он указывает на ошибку, заставляя Горского самого ее разглядеть. Это как если бы... если бы кто-то хотел его чему-то научить. Передать ему свои находки. Словно он, Горский, был тупым учеником, а «Тень» – терпеливым, безжалостным учителем.

Мысль была столь отвратительной, что он застонал вслух. Звук, грубый и нечеловеческий, замер в тишине комнаты.

Нет. Нельзя оставлять конверт на столе. Он искал взглядом место. Взгляд упал на пол. Широкие, некрашенные половицы, между которыми чернели щели. Он встал, нашел нож с тонким лезвием. Поддел одну из досок недалеко от печки. Она поддалась с тихим скрипом. Под ней – темное пространство, пыль и тень. Он взял белый конверт, на секунду замер, глядя на него. Потом аккуратно опустил в темноту. Спрятал. Как улику. Как тайну. Как часть начинающейся игры, в которой он уже не просто мишень, но и игрок – невольный, испуганный, но игрок.

Доску он вернул на место. Теперь только он знал, где оно лежит. Эта маленькая тайна, это действие принесло призрачное ощущение контроля. Ничтожное, но лучше, чем полная беспомощность.

Он вернулся к столу, к своим записям. Он дописал еще один пункт в тетради.

6. Цель «Т»? Не месть. Обучение? Диалог? Признание? Вывести на истину (какую?).

Потом взял телефон. Набрал смс Анне. Коротко, без обращений.

«Больше не проверяй ничего. Не звони об этом. Опасно. Забудь.»

Он отправил. И сразу понял, что это бесполезно. Она не забудет. Она – следователь. Такой же, каким был он. Ее любопытство уже разбужено. Его предупреждение только подстегнет его. Он положил телефон, чувствуя тяжелую, свинцовую усталость во всем теле. Но мозг работал, лихорадочно, беспорядочно.

Он снова открыл папку «Тихого озера». Нашел фотографию сестры жертвы. Пристально взгляделся в эти глаза, полные упрека и невысказанной тайны. Кто ты? Что ты знала? И знает ли об этом теперь «Тень»?

Ветер снаружи стих. Наступила та мертвая, предрассветная тишина, когда кажется, что весь мир замер в ожидании. Горский сидел среди разбросанных бумаг, между прошлым и угрожающим настоящим, и чувствовал, как старые, полузабытые тени в углах комнаты становятся плотнее, зримее. Они шептались. Перешептывались с той тенью, что пришла в белом конверте.

Игра началась. И первым ходом противника было – заставить его открыть этот сундук. Вытащить на свет старые кости. Он это сделал. Он уже в игре.

Он потушил лампу. В наступающих сумерках только белый лист его тетради тускло светился на столе. И под половицей, в темноте, лежало молчаливое эхо – первое послание, первый шаг из небытия. Он ждал следующего. И ненавидел себя за это ожидание.

Правила игры

Прошло восемнадцать дней. Восемнадцать дней, которые Горский пытался заполнить монотонным, почти механическим трудом. Он колол дрова – тяжело, до седьмого пота, пока мышцы не горели огнем, заглушающим мысль. Чистил крышу от опавшей хвои и мха. Ходил за водой к колодцу, чувствуя, как ледяная рукоятка ведра впивается в ладони. Он пытался убежать в физическое истощение, но тишина между ударами топора теперь была наполнена навязчивым, назойливым гулом ожидания. Он ловил себя на том, что взгляд его сам по себе скользит к тропинке, по которой должен был появиться почтальон. Он ненавидел эту свою настроенность, эту подспудную готовность.

День приезда почты снова был серым и мглистым. Снег, обещанный Виктором, так и не выпал, но воздух был насыщен его холодным, металлическим предчувствием. Горский стоял у калитки, курил, и дым стелился по земле, не желая подниматься в неподвижную, тяжелую высь. Уазик, как призрак, выполз из-за поворота. Виктор, не глядя, протянул ту же пачку: газеты, реклама. И на самом верху – тот же белый, шершавый прямоугольник.

На этот раз Горский не замер. Он просто взял его, кивнул, и быстро повернулся к дому. Рука сжимала пачку так крепко, что бумага хрустела. В прихожей он сбросил все на лавку, кроме конверта. Нес его в комнату, как мину, ощущая каждый шаг по скрипящим половицам.

Он сел за стол, не снимая телогрейки. Холод снаружи будто прилип к нему, смешавшись с внутренним ознобом. Конверт был таким же: белый, плотный, с размытым штемпелем. Тот же почерк на адресе. Он вскрыл его уже без промедления, движения были резкими, почти профессиональными. Внутри – два листа. Та же машинка, тот же шрифт.

«Дело № 228/09 об исчезновении Марии Игоревны Колесовой, 19 лет, последний раз контактировавшей по телефону 3 сентября 2009 года в районе остановки общественного транспорта «Улица Маяковского». Тело не обнаружено. Приостановлено».

Горский сглотнул. Колесова. «Пропавшая». Он помнил это. Молодая девушка, студентка медколледжа. Ушла от подруги вечером и не вернулась. Массовые обыски, опросы. Ничего. Версия – либо побег, либо криминал. Склонялись ко второму, но улики не было. Совсем.

Текст продолжался, холодный и неумолимый.

«...основное внимание уделялось проверке ее окружения: друзей, сокурсников, случайных знакомых. Был отработан маршрут от остановки до общежития, протяженностью 1.2 км. На маршруте – три переулочка, один заброшенный гаражный кооператив и строительная площадка (забор, ремонт теплотрассы). Осмотр площадки проводился поверхностно, в дневное время, через 48 часов после исчезновения. В протоколе указано: «Следов, имеющих отношение к делу, не обнаружено».

Здесь автор сделал паузу, пропустив строку. А потом пошел пункт, начинающийся со слова «Однако».

«Однако, на внутренней стороне бетонного ограждения строительной площадки, со стороны переулка Глухой (координаты: секция 7, плита №12), на высоте примерно 1.5 метра, присутствовало несколько высохших брызг вещества темно-коричневого цвета. Они не были замечены, так как осмотр проводился с противоположной стороны забора, а визуальный доступ сбоку был заблокирован строительным мусором (железобетонная плита, сдвинутая бульдозером за неделю до событий). Химический анализ, если бы он был проведен, с высокой долей вероятности показал бы наличие компонентов, совпадающих с лаком для ногтей марки «Coral Shine», которым пользовалась Колесова (флакон изъят из общежития, приложение «Г»). Цвет – №17 «Красное вино». Брызги могли образоваться при резком взмахе руки, например, при попытке сопротивления, если ноготь был сломан.»

Горский оторвался от текста. Его дыхание стало частым, поверхностным. Он вспомнил эту строительную площадку. Высокий синий забор. Они обошли его. Заглянули внутрь. Все было пусто, грязно. Ничего. А сбоку... сбоку действительно была гора мусора. Кто-то сказал, что там ничего нет, что это старый завал. Он поверил. Он спешил. У него было еще три дела в работе.

Он читал дальше, и каждая строчка была пощечиной.

«Второй упущенный момент: водитель маршрутного такси №147, Владимир Стасевич, совершавший последний рейс в тот вечер. В первоначальном опросном листе он указал, что никого не помнит. При повторном, более детальном допросе (который не проводился) следовало задать вопрос не «видели ли вы эту девушку?», а «кого вы видели на остановке «Маяковского» после 22:30?». Стасевич, как выяснилось в ходе частной беседы (неофициально) со своим шурином, был крайне близорук, но стеснялся носить очки за рулем. Он различал не лица, а силуэты, движения, яркие цветовые пятна. На девушке в тот вечер была кислотно-синяя куртка (изъята из шкафа). Такой цвет в темноте, под светом фонаря, он мог запомнить. Но вопрос был задан некорректно. Его память не была «разбужена».»

Кислотно-синяя куртка. Да. Он помнил эту куртку. Яркую, кричащую. Она висела в шкафу, и ее цвет резал глаз даже на фотографии. И он, он допрашивал водителя... да, допрашивал. Спрашивал стандартные вопросы. Получил стандартные отрицательные ответы. И поставил галочку.

В горле подступила тошнота. Не от ужаса, а от стыда. От непрофессионализма. Он был старшим следователем. Он должен был видеть. Должен был копать. А он ставил галочки.

И тогда пришел финальный абзац. Тот, что выжиг все остальное.

«Вы потратили две недели на построение сложных версий о похищении с целью выкупа (у семьи не было денег) или о побеге к мифическому возлюбленному (его не существовало). Вы искали сложное, Алексей Сергеевич. А ответ, как это часто бывает, лежал на поверхности. Он всегда лежит на поверхности, в первом, самом очевидном, самом неудобном квадрате. Вы просто не захотели нагнуться, чтобы его поднять. Слишком устали? Слишком уверены в своем шаблоне? Или уже тогда начали бояться, что правда окажется банальной и уродливой, и не оправдает усилий гениального следователя?»

Текст оборвался. Ни подписи, ни вопроса в этот раз. Был вывод. Приговор.

Горский сидел, не двигаясь. Слова жгли сетчатку. «Не захотели нагнуться». «Слишком уверены». «Бояться, что правда окажется банальной». Это был не просто анализ. Это было проникновение. «Тень» знала не только факты. Она знала его. Знала его состояние тогда, его усталость, его профессиональную гордыню, его глухую, подспудную боязнь разочарования. Как будто кто-то стоял за его плечом все те годы и видел, что творится у него внутри. Видел лучше, чем он сам.

Он схватился за голову. Звук, похожий на стон, вырвался наружу. Это было невыносимо. Быть прочитанным, как открытая книга, каждая ошибка в которой подчеркнута красным. И этот читатель – невидим, безличен, абсолютно неуязвим.

Прошло maybe час. Свет за окном начал угасать, наполняя комнату сизыми, беспокойными сумерками. Первым движением, вырвавшим его из ступора, было потянуться к телефону. Чтобы позвонить Анне. Чтобы крикнуть: «Останови это! Найди его!»

Но он остановил себя на полпути. Его собственный приказ висел в памяти: «Забудь. Опасно». Опасность была теперь очевидна. «Тень» знала слишком много. Вмешиваясь, Анна могла наткнуться на что-то, что сделало бы ее мишенью. Нет. Этого нельзя.

Но и сидеть сложа руки он уже не мог. Зуд был сильнее страха. Ему нужно было проверить. Хоть что-то. Хоть одну деталь. Чтобы понять, насколько глубоко копает этот невидимый оппонент.

Он поднялся, прошелся по комнате. Его взгляд упал на спутниковый телефон. Нет, не Анна. Есть другой канал. Старый, грязный, ненадежный. Но именно поэтому – безопасный. Для него.

Он нашел в записной книжке, затертый до дыр, номер. Набрал. Долго ждал ответа. Потом в трубке послышались хриплые гудки, чей-то грубый окрик, шум застолья.

– Крот? – сказал Горский, понизив голос.

Пауза. Потом шум приглушили, и послышался сиплый, простуженный голос, в котором угадывалась настороженность и плохо скрываемая радость.

– Батенька? Шеф? Это вы? Голос-то ваш... Я уж думал...

– Заткнись и слушай, – отрезал Горский старым, начальственным тоном, который вернулся сам собой. – Дело Колесовой. 2009 год. Пропавшая студентка. Строительная площадка у переулка Глухого. Помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.